

РЕКОНФИГУРАЦИЯ СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА: СУДЬБА БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ

М. А. Можейко,

*проректор по научной работе и международным связям
Института теологии им. свв. Мефодия и Кирилла БГУ,
доктор философских наук, профессор*

Становление постнеклассической науки философии было ознаменовано в контексте европейской культуры интенцией на разрушение жесткого противостояния субъекта и объекта – как в контексте естественно-научной когнитивной традиции (конституирование методологии Копенгагенской школы, основанной на радикальном отказе от идеи внеположенной позиции субъекта по отношению к приборной ситуации), так и в контексте традиции философской («кризис онтологии» XX в., приведший к экзистенциализации онтологической проблематики). В фокус критики субъект-объектного типа рациональности попадает прежде всего то, что в его рамках человек либо теряет свои субъектные качества, выступая функционально в качестве объекта изучения, либо редуцирует их, выступая в качестве субъекта деятельности по преобразованию объекта. В этом смысле развитие классического типа рациональности оценивается философией постнеклассического типа как угроза человеческому в человеке (Франкфуртская школа, М. Хайдеггер, философия техники в своем антитехницистском векторе: Л. Мэмфорд, Ф. Рапп, Х. Шельски и др.).

Новой парадигмой трактовки менталитета выступает в постнеклассической культуре парадигма отказа от традиционных бинарных оппозиций философии классического типа. Концептуальное движение в рамках жесткой субъект-объектной оппозиции, как этого и следовало ожидать, привело к тому, что в рамках классической науки универсум как внешний мир (понятый в качестве регулируемого механизма) и внутренний мир человека (понятый как история новаций) оказался разделен.

В противоположность этому, современные исследовательские стратегии О. Тоффлер оценивает как «дерзновенную попытку собрать воедино то, что было разъято на части» [13, с. 26]. Так, исследование синергетикой феноменов самоорганизации

макромолекул привело к обоснованию идеи предбиотической эволюции, в силу чего, по образному выражению А. Баблоянц, «дарвиновскому “дереву” пришлось пустить корни в неживой мир элементов» [2, с. 244]. Аналогично возникновение социальности утрачивает свой статус конституирования мира, оппозиционного природному [11, с. 47]: с точки зрения синергетики человек в своей сложности больше не уникален, выступая интегральной частью окружающей его среды. В гносеологическом плане это обрывает традицию понимания объекта как внеположенного субъекту: как пишут И. Пригожин и И. Стенгерс, «наша физика предполагает, что наблюдатель находится внутри наблюдаемого им мира» [12, с. 280–281]. В контексте синергетической парадигмы традиционная для классического типа рациональности оппозиция субъекта и объекта сменяется их суперпозицией.

Аналогично в контексте постмодернистской философской парадигмы разрушение классической субъект-объектной оппозиции, определявшей предметность и специфику философии как концептуальной системы, фундировано исходным постмодернистским отказом от самой идеи семантико-структурных оппозиций. Речь не идет, однако, о простой негации в отношении мыслительных гештальтов, основанных на идее бинаризма, но о содержательном преодолении бинаристской парадигмальной фигуры как таковой. Как пишет Ж. Деррида, стратегия деконструкции должна «пытаться избежать простой нейтрализации бинарных оппозиций метафизики и вместе с тем – ... согласия с ними». Необходимо то, что Ж. Деррида называет «выдвинуть двойкий жест» [8, с. 71–72]. Как отмечает А. Истхоуп, «дерридианская деконструкция... состоит не в том, чтобы поменять местами ценности бинарной оппозиции, а ... в том, чтобы нарушить или уничтожить их противостояние, релятивизировав их отношения» [22, с. 187–188].

Классическим примером постмодернистского снятия традиционной для классической культуры бинарной оппозиции «мужское – женское» является концепция соблазна Ж. Бодрийера, моделирующая «вселенную, в которой женское начало не противопоставляется мужскому, но соблазняет его. Находясь в стихии соблазна, женственность не выступает... термином оппозиции» [6, с. 61]. Соблазн (*seduction*) принципиально отличается от желания как связанного с производством (*production*), т.е. несущим в системе отсчета Ж. Бодрийера смысл

линейности [6, с. 62–64]. (В этом плане Ж. Бодрийяр критикует феминизм как не способный снять оппозицию мужского и женского, но лишь по-иному расставляющий внутри нее акценты доминирования.) Соблазнение – вне оппозиции, ибо представляет собой не что иное, как процессуальное размывание ее границ, «в соблазнении нет ничего активного или пассивного, нет субъекта или объекта, нет внешнего или внутреннего: оно играет сразу на двух сторонах доски» [6, с. 64].

В постмодернистской системе отсчета традиционные для европейской культуры бинарные оппозиции (типа «субъект – объект», «Восток – Запад», «мужское – женское» и др.) перестают выполнять роль несущих осей, организующих мыслительное пространство. Типичной для постмодернизма является установка Р. Барта, задающая пространство текста как семиотическую тотальность, где субъект и объект изначально растворены друг в друге: «сценическое пространство текста лишено рампы: позади текста отнюдь не скрывается некий активный субъект (автор), а перед ним не располагается некий объект (читатель); субъект и объект здесь отсутствуют» [4, с. 474].

Однако разрушение субъект-объектной оппозиции в контексте постмодернистского типа философствования далеко не исчерпывается ее распадом, оно предполагает и фундаментальное расщепление определенности как объекта (предметности), так и субъекта (Я): фигуры ино-, поли- и, наконец, бес-субъектности «непознаваемого субъекта» постмодерна.

Базовая для постмодернизма критика референциальной концепции знака приводит к тому, что понятие «объект» в классическом его понимании в принципе не может быть конституировано в контексте постмодернистского типа философствования. Любая попытка подобного рода может иметь своим результатом лишь симуляцию внезапного феномена. В постмодернистской системе отсчета единственно возможной версией объективности является, по Ю. Кристевой, «проблематичный процессуальный объект», который «существует в экономии дискурса» [10, с. 273].

Выступая одним из двух полюсов амбивалентного процесса распада субъект-объектной оппозиции, разрушение объекта не может не предполагать и историческую исчерпанность концепта «субъект» (презумпция «смерти субъекта»). В рамках постмодернистской философии феномен субъекта артикулируется в качестве

проблематичного: Ю. Кристева полагает допустимым говорить лишь о «проблематичном процессуальном субъекте языка» [10, с. 265]; М. Фуко подвергает проблематизации само соответствующее проблемного поля («вопрос о структуре истинности субъекта» [14, с. 307]). Очерчивая границы постмодернистского типа философствования, М. Фуко в качестве одного из важнейших признаков постмодернизма выделяет финальное «крушение философской субъективности ...составляет, вероятно, одну из фундаментальных структур современной мысли» [16, с. 123].

Для постмодернизма характерна радикальная децентрация индивидуального (равно как и любых форм коллективного) Я¹. Оперативные правила эпистемы, выступая регулятором по отношению к активности сознания, но не осознаваемые последним рефлексивно, выступают фактором децентрации и деперсонализации субъекта. С точки зрения постмодернизма само использование термина «субъект» – лишь дань классической философской традиции²: как пишет М. Фуко, так называемый анализ субъекта на деле есть анализ «условий, при которых возможно выполнение неким индивидом функции субъекта... Абсолютного субъекта не существует» [18, с. 45].

Критика концепции трансцендентального субъекта становится фундаментом основополагающей для философской парадигмы постмодерна презумпции «смерти человека», высказанной в ранних работах М. Фуко и специфицированной Р. Бартом как презумпция «смерти Автора», а А. Роб-Грийе – как презумпция «смерти персонажа (героя)». Однако, перенося акцент с фигуры Автора на фигуру Читателя, философия постмодернизма отнюдь не конституирует последнего в качестве автономного субъекта классического типа. По Р. Барту, фигура читателя может быть рассмотрена в качестве «личного адреса» ничуть не более, нежели фигура Автора, ибо «читатель – это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь некто, сводящий

---

¹ В этом отношении постмодернистская парадигма радикально отлична от модернистской с ее пафосом личного начала: от экспрессионистской программы выражения в произведении внутреннего состояния автора – до эстетики «ультра-ячества». По оценке А. Турена, если модернизм провозглашал идею ценности Я, то постмодернизм – идею его расщепления [27, с. 116].

² Феномен Я оценивается постмодернизмом как связанный лишь с определенной традицией и потому переходящий. Согласно М. Фуко, «лишь один период, который явился полтора века назад и, быть может, уже скоро закончится, явил образ человека. И это не было избавлением от давнего непокойства, переходом от тысячелетней заботы к ослепительной ясности <...> – это просто было следствием изменений основных установок знания... Если эти установки исчезнут так же, как они возникли, <...> – человек изгладится, как лицо, нарисованное на прибрежном песке» [17, с. 398].

воедино все те штрихи, что образуют письменный текст» [3, с. 390]. Собственно, по видению Ж. Дерриды, «интерпретирующее Я» само по себе есть не что иное, нежели текст, сотканный из культурных универсалий и дискурсивных матриц, культурных кодов и интерпретационных конвенций [21]. Подобно автору, читатель растворяется в процессуальности собственных дискурсивных практик, обусловленных внешними и не автохтонными по отношению к субъекту правилами, по выражению М. Грессе, читатель уловлен «сетью культуры», т.е. той системой фундаментальных конвенций, которые диктуются универсалиями данной культурной традиции [24, с. 7]. Читатель, как и автор, оказывается, по оценке Ж.-Ф. Харари, даже не «гостем», но «порождением текста» [25, с. 40].

Если философский модернизм в лице Ф. Ницше оценивал Я в качестве «rendez-vous опытов», то для постмодернизма, напротив, характерен тезис о непреодолимом разрыве опыта как такового, с одной стороны, и носителя дискурса, в котором этот опыт может быть выражен, – с другой. Как говорит Ф. Гваттари, «я не верю в существование субъективности без продуктивности рассказа-текста» [7, с. 23]³. По Ф. Джеймисону, чувственная сфера в целом перестает быть центрированной и персонифицированной субъектом: «не существует более Я, чтобы чувствовать... Чувства... имперсональны» [9, с. 129]. Таким образом, Я не выступает более интегратором личности в цельности накопленного опыта, более того, по оценке М. Бланшо, Я никогда и не было субъектом опыта [5].

Как гносеологически, так и социально ориентированные методологии, предлагаемые постмодернизмом, фундированы идеей отказа от самого концепта «субъект». Так, например, в генеалогии М. Фуко когнитивная программа в качестве условия своей реализации предполагает «принесение в жертву субъекта познания» [15, с. 95]. Что же касается так называемых социальных ролей, предполагающих определенность их субъекта-исполнителя, то, по оценке М. Фуко, эти версии самоидентификации (как правило, вербально артикулированные, да и не выходящие, собственно, за границы нарративных практик) есть не что иное, как маски, наличие которых отнюдь не гарантирует наличия скрытого

---

³ Р. Бартом во «Фрагментах любовного дискурса» показано, что опыт, который декларируется в качестве имманентного, на деле выступает принципиально спекулятивным: «я безумен для того, чтобы пребывать в любви, но я отнюдь не безумен для того, чтобы сказать об этом, я раздваиваю свой образ». В силу этого Р. Барт называет «влюбленным» того, кто «высказывается определенным образом» [19].

за ними Я, претендующего на статус идентичности [15, с. 94]. Следует, наконец, упомянуть развитую философией постмодернизма идею «смерти сверхчеловека» и идею «смерти Бога» как окончательный финал презумпции конституированной субъективности (например, предложенная П. ван Буреном программа «реинтерпретации Бога», фактически основанная на идее деконструкции библейских текстов).

Постмодернизм в целом осмысливает себя как постулирующий «смерть самого субъекта», финальный «конец автономной ... монады, или эго, или индивидуума», подвергшихся фундаментальной «децентрации» [9, с. 128]. Таким образом, постмодернистская «смерть субъекта» означает, прежде всего, гибель традиционного (стабильного, однозначно центрированного и линейно детерминированного со стороны общего социального порядка) субъекта дюркгеймовского типа.

Сегодня постмодернизм формулирует новую стратегию «воскрешения субъекта», которая программно опирается на реконструкцию субъективности как вторичной по отношению к дискурсивной среде [20; 23]. В течение последних лет акцент исследовательского интереса постмодернизма делается на анализе такого феномена, как «кризис идентификации» (Дж. Уард [28, с. 105–155]). Признавая нарративный характер типового для культуры постмодерна способа самоидентификации личности, Х. Уайт, К. Меррей, М. Саруп и др. фиксируют – с опорой на серьезные клинические исследования, – что конструирование «истории» своей жизни как рассказа ставит под вопрос безусловность аутоидентификации, которая ранее воспринималась как данное [26, с. 14–28]. Современный постмодернизм моделирует два возможных вектора преодоления кризиса идентификации. Первый может быть обозначен как стратегия программного неоклассицизма, предполагающего «возврат утраченных значений». Второй формируется в рамках коммуникационного поворота в артикуляции философской проблематики и основан на той презумпции, что расщепленное Я может обрести единство лишь посредством Другого. В качестве водораздела между классическим постмодернизмом и современным может быть оценена концепция К.-О. Апеля, в частности его модель языковых игр [1].

Финальный распад субъект-объектной оппозиции лишает традиционные дихотомии онтологии и философии сознания,

философии истории и философии культуры: применительно к современной философии К.-О. Апель констатирует снятие «принципиального различия между классической онтологией и новоевропейской философией сознания» [1, с. 219].

1. *Апель, К.-О.* Трансцендентально-герменевтическое понятие языка / К.-О. Апель // От Я к Другому. – Минск : Менск, 1997. – С. 202–220.
2. *Баблянец, А.* Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи / А. Баблянец. – М. : Мир, 1990. – 374 с.
3. *Барт, Р.* Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – С. 384–391.
4. *Барт, Р.* Удовольствие от текста / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – С. 462–518.
5. *Бланшо, М.* Опыт-предел / М. Бланшо // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб. : МИФРИЛ, 1994. – С. 63–77.
6. *Бодрийяр, Ж.* Фрагменты из книги «О соблазне» / Ж. Бодрийяр // Иностранная литература. – 1994. – № 1. – С. 59–66.
7. *Гваттари, Ф.* Трансфер или то, что от него осталось, или Аналитик живет в постоянном страхе / Ф. Гваттари, Б. Лихтенберг-Эттингер // Кабинет: картины мира. – СПб. : Инапресс, 1998. – С. 21–28.
8. *Деррида, Ж.* Позиции / Ж. Деррида. – Киев : Л.Д., 1996. – 192 с.
9. *Джеймисон, Ф.* Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма / Ф. Джеймисон // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-Принт, 1996. – С. 118–137.
10. *Кристева, Ю.* От одной идентичности к другой / Ю. Кристева // От Я к Другому. – Минск : Менск, 1997. – С. 256–273.
11. *Пригожин, И.* Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46–52.
12. *Пригожин, И.* Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
13. *Тоффлер, О.* Наука и изменение (предисл.) / О. Тоффлер // Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – С. 11–33.
14. *Фуко, М.* Герменевтика субъекта : курс лекций в Коллеж де Франс, 1981–1982. Выдержки / М. Фуко // Социо-Логос. – М. : Прогресс, 1991. – Вып. 1. – С. 284–311.
15. *Фуко, М.* Ницше, генеалогия, история / М. Фуко // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-Принт, 1996. – С. 78–97.
16. *Фуко, М.* О трансгрессии / М. Фуко // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб. : МИФРИЛ, 1994. – С. 111–131.
17. *Фуко, М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М. : Прогресс, 1977. – 488 с.

18. Фуко, М. Что такое автор? / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – С. 7–46.
19. Barthes, R. A Lover's Discourse : Fragments / R. Barthes. – L. : Jonathan Cape, 1979. – 234 p.
20. Conternarratives. Cultural Studies of Culture Pedagogues in Postmodern Space / A. A. Giroux [etc.]. – L. ; N.Y., 1996. – 195 p.
21. Derrida, J. Speech and Phenomena and Other Essays on Husserl's Theory of Signs / J. Derrida. – Evanston : Northwestern UP, 1973. – 264 p.
22. Easthope, F. British Post-Structuralism Since 1968 / F. Easthope. – L. : Routledge, 1988. – 255 p.
23. Gottdiener, M. Postmodern Sensitivities. Material Culture and the Form of Postmodern Life / M. Gottdiener. – Oxford : Blackwell, 1998. – 262 p.
24. Gresset, M. Introduction / M. Gresset // Intertextuality in Faulkner / ed. by M. Gresset, N. Folk. – N.Y. : University of Mississippi, 1985. – 217 p.
25. Harrari, J. V. Introduction : Faulkner Between the Text / J. V. Harrari // Textual Strategies : Perspectives in Post-Structuralist Criticism. – Ithaca : Cornell University Press, 1979. – 475 p.
26. Sarup, M. An Introductory Guide to Post-Structuralism and Postmodernism / M. Sarup. – N.Y. : Harvester Wheatsheaf, 1988. – 171 p.
27. Touraine, A. Critique de la modernité / A. Touraine. – Paris : Fayard, 1992. – 510 p.
28. Ward, G. Postmodernism / G. Ward. – L.; Chicago : McGraw-Hill Trade, 1997. – 186 p.